

МЕДИАЦИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИ-(ПОСТ) МАРКСИСТСКОГО СИНТЕЗА В ИЗУЧЕНИИ МЕДИА

Виктория Константюк¹

Abstract

This article focuses on the relevance of psycho-Marxism (in particular Lacanian psychoanalysis and post-Marxism), on the relevance of such synthesis in perspective of media research, in the perspective of new media as a new form of social mediation of individual desires. The problem of social mediation is topical for the understanding of the relation between the subject, his/her desires and the society in the contemporary extremely mediated world. Psycho-Marxism can bring a new understanding that is different from already existing and well-established within the media theories for such concepts as mediation and mediatization.

Keywords: media, mediation, Marxism, post-Marxism, psychoanalysis, Freudo-Marxism, psycho-Marxism, the Imaginary, the Symbolic, the Real.

В настоящий момент мы можем зафиксировать широкое междисциплинарное использование психоаналитической методологии, которая раньше применялась сугубо в анализе субъекта, разнообразных культурных и социальных явлений, о чём свидетельствуют работы таких представителей постмарксизма, как Славой Жижек, Фредрик Джеймисон, Эрнесто Лаклау. Интегративный блок психоанализа и постмарксизма оказывается возможным и необходимым в процессе детектирования динамики актуальных социально-культурных процессов.

В данной статье речь пойдёт об актуальности психо-марксизма, и в частности психоанализа и постмарксизма, о продуктивности их синтеза в перспективе исследований медиа, *новых медиа* и *Web.2.0* как новых форм социального опосредования (медиации)² индивидуальных желаний. Проблема опосредования также является важной для понимания

¹ Виктория Анатольевна Константюк – культуролог, преподаватель департамента медиа Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва).

² Термины 'медиация' и 'опосредование' (в английском или французском варианте), которые в рамках рассмотренных психоаналитических и постмарксистских концепций обозначаются одним словом – *mediation* (анг.), *mediation* (фр.), в русском варианте в данном тексте будут рассматриваться в качестве синонимичных, взаимозаменяемых.

взаимодействия человека (субъекта), его желаний и общества в современном предельно медиатизированном социуме. Фрейд-марксистский синтез, либо так называемый психомарксизм³, позволяет придать понятиям *медиация*, *медиатизация*, широко используемым в последние несколько лет в исследованиях медиа, новое содержание, отличное от уже сложившихся и устоявшихся в рамках медиатеорий точек зрения.

Соня Ливингстон в статье *О медиации всего*⁴ обращает внимание на смещение в последнее десятилетие исследовательских интересов с социального анализа массмедиа, в котором последние рассматриваются в качестве одной из влиятельных, но независимых институций общества, к социальному анализу, в котором всё опосредовано. Приходит понимание того, что в «опосредованном мире» нельзя анализировать, например, отношения между политической сферой общества и окружающей средой или обществом и семьей, не признавая важности медиа и медиации.

В рамках более ранних медиатеорий термин *медиация* отсылал преимущественно к увеличивающемуся распространению технологических посредников и их детерминирующему влиянию, как это, например, отражено в статьях Гари Гумберта и Роберта Кэткарта *Опосредованная межличностная коммуникация: в направлении к новой типологии* и *Теория медиации*.⁵ В течение последнего десятилетия лет такие термины, как медиация, медиатизация, медиализация, медиизация (Дж. Томпсон⁶), ремедиация, уверенно вышли на авансцену.⁷ С этим выходом, возможно, также связана идея переосмысления вопросов власти (в) медиа в направлении более сложных схем, исключающих прямолинейное понимание меха-

³ В 1998 году вышел сборник под названием *Psycho-Marxism: Marxism and Psychoanalysis Late in the Twentieth Century*. Duke University Press (под ред. R. Miklitsch). Несмотря на то что понятие «психомарксизм» не получило с выходом сборника широкого распространения, автор данного исследования считает, что данный термин может быть очень продуктивным и вполне отражать перспективы теоретической конвергенции психоанализа (не только фрейдистского направления) и марксизма в работах философов, в социально-критических исследованиях и исследованиях культуры.

⁴ Livingstone S. On the mediation of everything. ICA Presidential address 2008 // *Journal of Communication*. 2009. № 59(1). P. 1–18.

⁵ Cathcart R., Gumpert G. Mediated interpersonal communication: Toward a new typology // *Quarterly Journal of Speech*. 1983. Vol. 69(3). P. 267–277.

⁶ Дж. Томпсон вводит понятие *mediation of culture*. Медиизация культуры – это производная от модернизации общества культурная трансформация, в результате которой передача символических форм опосредуется технологическими и институционализированными аппаратами медиаиндустрии. Современный мир, согласно Томпсону, насыщен коммуникационными сетями, опыт отдельного человека всё более опосредуется технологическими системами производства и передачи символов.

⁷ Livingstone, op. cit.

низмов медиаэффектов и медиавлияний, а также некоторые традиционные негативные оценки роли и влияния медиа в обществе.⁸

Психоанализ и марксизм: проблема взаимной нехватки

Сегодня общее поле социально-критической теории постмарксистской направленности и психоанализа чаще всего заключается в анализе формирования субъективности в переплетении социальных, культурных и экономических механизмов. Необходимо отметить, что взаимодействие современной постмарксистской критической теории с психоанализом (чаще всего с фрейдизмом в его лакановской версии – С. Жижек, Ф. Джеймисон, Ж. Бодрийяр, Э. Лаклау) не является единственным примером подобного синтеза, так как различные варианты «фрейд-марксизма» встречались и ранее.

В статье *Воображаемое и Символическое у Лакана* американский философ, постмарксист Фредрик Джеймисон прежде всего обращает наше внимание на трудности, с которыми приходилось сталкиваться и психоанализу, и марксизму в обеспечении медиации между социальным и индивидуальным, всеобщим и единичным. Согласно Джеймисону, психоаналитическая критика в узко специализированных и консервативных вариантах зачастую постулировала (и продолжает на этом настаивать) отсутствие интереса к внешним, или социальным, а марксистская критика – к внутренним, или частным, вопросам, что в итоге свидетельствует о некоторой «ущербности» и того, и другого в отношении как методологии, так и анализируемых объектов. Американский постмарксист также упрекает классический (фрейдистский) психоанализ в «полной неотрефлексированности процесса трансформации, посредством которого частные факты становятся публичными»⁹.

Несмотря на то что сам Фрейд испытывал методологические проблемы в применении психоаналитической техники к интересующим объектам (произведения искусства, литература), а также считал, что культурное развитие массы и индивидуальное развитие так сочетаются и переплетаются друг с другом, что многие свойства Сверх-Я легче обнаружить, наблюдая за поведением культурного сообщества, а не индивида, ожидал, что «однажды кто-нибудь отважится на изучение патологии культурных сообществ»¹⁰, нельзя сказать, согласно точке зрения Джеймисона, что литературный

⁸ О традиции негативной оценки роли медиа в связи с массовой культурой начиная с середины XIX века, уходе от неё и анализе попыток усовершенствования марксистского подхода к медиа подробнее в статье: Беннет Т. Теории медиа и теории общества // *Контексты современности II: Хрестоматия*. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С. 7–12.

⁹ Jameson F. Imaginary and Symbolic in Lacan // Jameson F. *The Ideologies of the Essays 1971–1986: The Syntax of history*. Vol. 1. Routledge, 1988. P. 75.

¹⁰ Фрейд З. Недовольство культурой // Фрейд З. *Психоаналитические этюды*. М., 2004. С. 107–220. [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Freid/ned_kult.php.

критицизм фрейдизма, даже в самых лучших его проявлениях, следовал примеру самого Фрейда в этих размышлениях. Скорее, он всё-таки стремился оставаться замкнутым в категориях индивидуальности и индивидуального опыта без достижения точки, в которой эти категории сами по себе становятся проблематичными.¹¹ Поэтому Фредрик Джеймисон считает уместной и необходимой ту критику в отношении эго-психологии, которой следовал Жак Лакан, а также Жан-Поль Сартр на ранних этапах своей деятельности. Психобиографический метод Сартра, согласно Джеймисону, преодолевает некоторые из проблем психоаналитического и традиционного биографического критицизма. У Сартра, а также у Эриксона¹² оппозиция между частным и публичным, бессознательным и сознательным, персональным и универсальным отсутствует, она превращена в новую концепцию психической и исторической ситуации или контекста.

Разрыв между единичным и всеобщим, индивидуальным и социальным, который мы находим в философии начала XX века, можно обнаружить не только на примере марксизма и психоанализа, но это также то, что характерно для модернизма в целом (напряжение и расхождение между индивидом и социальной тотальностью). В рамках психобиографического критицизма оппозиция частного и всеобщего, согласно Джеймисону, трансформировалась в отношение имперсонального и неукоснительно **взаимозаменяемого** сознания к уникальной исторической конфигурации. Однако и этот метод не позволяет достичь культурного и социального обобщения без прохождения через индивидуальные обстоятельства истории, то есть такая биографическая форма остаётся стеснённой категориями индивидуального опыта.

«И если сартровский подход склонялся к тому, чтобы подчеркнуть индивидуальные обстоятельства истории в точке, где само существование коллективных структур становилось проблематичным, мощное видение Франкфуртской школы освобождённой коллективной культуры, как правило, оставляет мало места для уникальных историй – как психических, так и социальных – отдельных субъектов»¹³.

«Фрейд-марксизм», или «психомарксизм», сложно назвать определённой школой или устоявшейся концепцией, чётко очерченной парадигмой. Такое исследовательское взаимодействие (фрейдизма и марксизма), разумеется, не представляет собой и непрерывного процесса, поэтому в данном случае вслед за Джеймисоном остановимся на наиболее значимых эпизодах, когда взаимодействие принимало вполне конкретные и интересующие нас в рамках данной статьи и тематики формы.

¹¹ Jameson, op. cit., p. 76–78.

¹² См., напр.: Эриксон Э. *Молодой Лютер. Историко-психоаналитическое исследование* (*Young Man Luther. A Study in Psychoanalysis and History*, 1958).

¹³ Jameson, op. cit., p. 79–80.

Это сочетание давно известно под названием «фрейд-марксизм», который был распространён в 1940–60-е годы (Вильгельм Райх, Эрих Фромм, Герберт Маркузе, Макс Хоркхаймер, Теодор Адорно). Однако, по мнению Джеймисона, у этих представителей фрейд-марксизм не был органичным, часто казался механическим, поверхностным, как, например, в адорновских литературных или музыкальных исследованиях. В них психоанализ играл скорее вспомогательную роль, выступал «дополнением» к корпусу идей марксистской традиции, региональным исследовательским инструментом при изучении, например, «авторитарной семьи», для критического анализа «сексуальной революции» или психологических предпосылок фашизма. Что действительно остаётся сильным в рамках этой школы, так это более глобальная модель вытеснения, хотя, как метко замечает Джеймисон, этот термин использовался не столько в его денотативном значении, сколько в качестве инструмента для конструирования, негативным образом, нового Утопического видения счастья и удовлетворения инстинктов.

Несмотря на то что Жиль Делёз и Феликс Гваттари в своей книге *Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип* критично высказываются в адрес фрейдистского психоанализа, и прежде всего в адрес бюрократизации психоанализа, сведения интерпретации к готовым коллективным высказываниям, связанным с фигурой Эдипа,¹⁴ а параллельно и в адрес фрейд-марксистского синтеза, который, по их мнению, упрощённо действует через обращение к «священным» текстам Фрейда и Маркса, в рамках шизоанализа они предлагают вполне продуктивный психомарксистский синтез в стиле пост-марксизма, а именно:

«исходить из чьих-либо персональных высказываний и раскрыть их настоящее производство, которое никогда не является субъектом, но всегда машинным устройством желаний, коллективными устройствами производства высказывания»¹⁵.

По мнению Делёза и Гваттари, хоть Вильгельм Райх и смог поставить наиболее глубокий из своих вопросов («Почему массы желали фашизм?»), но он удовлетворился ответом, использующим понятие идеологии (т. е. понятие субъективного, иррационального, негативного), именно потому, что остался пленником понятий, ко-

¹⁴ «О да, когда мы с Гваттари попытались критиковать Эдипа, нас заставили сказать, и нам наговорили массу глупостей: но, погодите, Эдип – это не просто папа-мама, это – символическое или означающее, это признак нашей конечности, это нехватка бытия, которая и есть жизнь... Но, помимо этого, речь ведь не идёт о том, что психоаналитики говорят в теории; прекрасно видно, что они делают на практике и как низко они используют Эдипа (поскольку по-другому и невозможно)»; см.: Делёз Ж., Гваттари Ф. *Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип*. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

¹⁵ Делёз Ж. Четыре тезиса о психоанализе // *Логос*. 2010. № 3 [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.intelros.ru/pdf/logos/3_2010/2.pdf.

которые отгородили его от материалистической психиатрии, о которой он мечтал, помешали ему увидеть то, что желание составляет часть инфраструктуры, и закрыли его в дуальности объективного и субъективного.

Предмет рассмотрения психоанализа (Зигмунд Фрейд, Вильгельм Райх, Мелани Кляйн, Жак Лакан и др.) – это прежде всего субъект желания. Психоанализ имеет дело именно с явлениями желания и не рассматривает их как побочный эффект. Вот как об этом говорит Лакан:

«Я уже обращал ваше внимание на то, что до Фрейда элемент этот всегда оказывался сведён на нет, заведомо проигнорирован ... до Фрейда всякое изучение человеческого устройства вменялось так или иначе морали или этике – дисциплинам, которые озабочены были не столько тем, чтобы желание изучить, сколько тем, чтобы его укротить и дисциплинировать».¹⁶

Именно на изучение желания, изучение тех альтернативных путей, вытеснений, сублимаций, посредством которых желание искало себе выход, направлено внимание психоанализа Зигмунда Фрейда, в отличие от неомарксизма, который скорее ставил перед собой задачу освобождения желания (В. Райх, Г. Маркузе). Вильгельм Райх, по мнению Делёза и Гваттари, вернулся (по сравнению с Фрейдом) к дуализму реального, рационально произведённого объекта и иррационального производства фантазмов. Он не смог обнаружить общий знаменатель, или коэксстенсивность, социального поля и желания. Для основания по-настоящему материалистической психиатрии ему не доставало категории производства желания, которой реальность была бы подчинена как в так называемых рациональных, так и иррациональных формах: желание производит реальность, производство желания есть не что иное, как общественное производство.

Если учитывать то, что, по Джеймисону, структура репрезентации – это отношение между всеобщим и единичным, то есть то, каким образом феномены индивидуального порядка (фантазии, индивидуальные желания, художественные и литературные произведения) репрезентируются на уровне «социальной тотальности», то в своей статье *Воображаемое и Символическое у Лакана* он критикует классический психоанализ не за то, что его не интересует «всеобщее» в марксистском смысле этого слова, а за то, что тот не интересуется самим процессом трансформации индивидуального в социальное, точно так же, как это не интересует и сам марксизм. Делёз и Гваттари также полагают, что либидинальная экономика не менее объективна, чем политическая экономия, а политическое – не менее субъективно, чем либидинальное, хотя они относятся к

¹⁶ Лакан Ж. *Семинары. Книга 5. Образования бессознательного (1957/1958)*. М., 2002. С. 291.

двум разным модусам инвестирования одной и той же реальности как общественной реальности.

В книге *Устройство разрыва. Параллаксное видение* Славой Жижек видит применимость психоанализа к анализу социального уже с учётом чёткой гомологии между социальным и индивидуальным и задаётся следующим вопросом: «...“законно” ли распространять применение понятий, которые первоначально использовались для лечения индивидов, на коллективные сущности и называть, скажем, религию “коллективным неврозом навязчивых состояний”?»¹⁷ Суть психоанализа видится ему в другом: социальное, область социальных практик и социально поддерживаемых убеждений, не просто находится на другом уровне, отличном от индивидуального опыта, а представляет собой нечто, с чем сам индивид «должен иметь отношения, что сам индивид должен воспринимать как порядок, который минимально овеществлён и внеположен»¹⁸.

Фредрик Джеймисон полагает, что понятие Символического, которое ввёл Лакан, – это попытка создания медиации между либидинальным анализом Фрейда и лингвистическими категориями, т. е. своего рода схема перекодировки, позволяющая переходить от одного типа анализа к другому без концептуального разрыва. А лакановская концепция трёх порядков (Воображаемое, Символическое, Реальное) не сводится к классической оппозиции между индивидуальным и коллективным, но позволяет осмысливать эти связи и разрывы принципиально иным способом.¹⁹ Социально-критическая теория постмарксистской направленности также рассматривает лакановскую триаду не просто как регистры становления субъекта или субъективности, а как одно из свидетельств снятия ранее отмеченного модернистского напряжения между индивидуальным и социальным за счёт окончательного разрыва между ними в рамках постмодернизма вместе с крахом репрезентации, фрагментацией как социума, так и самого субъекта.

Культурно-историческая психология Льва Выготского и психоанализ Жака Лакана: треугольники опосредования, диалектика желания

В рамках данной темы особого внимания заслуживают идеи представителя социальной психологии начала XX века Льва Выготского. Выготский, можно сказать, предвосхитил в своём подходе к опосредованию некоторые психоаналитические (Ж. Лакан) и постмарксистские идеи, по крайней мере – саму постановку вопроса знакового опосредования. Как и в психоанализе Лакана, у Выготского опосредование является орудием интериоризации внешнего мира, а желание беспрестанно опосредуется, возвращаясь в

¹⁷ Жижек С. *Устройство разрыва. Параллаксное видение*. М., 2008. с. 13.

¹⁸ Там же, с. 13.

¹⁹ Jameson, op. cit., p. 82.

систему языка. Проблематика опосредования у Выготского также свидетельствует об общей идее преобразования от внешнего посредничества к внутреннему:

«Мы можем сформулировать общий генетический закон культурного развития в следующем виде: всякая функция в культурном развитии ребёнка появляется на сцене дважды, в двух планах, сперва – социальном, потом – психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребёнка, как категория интрапсихическая»²⁰.

Неслучайно, в сравнении с другими направлениями в психологии, школу Льва Выготского отличает особый, неклассический, подход к решению основных психологических проблем, поскольку для так называемой классической психологии характерно противопоставление внешнего, объективного (предметов и процессов внешнего мира), и внутреннего, субъективного (явлений и процессов сознания). Так что, мы можем также говорить о концепции Выготского как одной из форм психомарксистского синтеза не только по причине его пропитанной марксизмом идеи о знаке, который во многом аналогичен орудью труда, но и с опорой на его понимание опосредования.

Опираясь на известное положение Маркса, Выготский полагал, что психическая природа человека представляет собой совокупность общественных отношений, перенесённых внутрь и ставших функциями личности и формами её структуры. В таком случае первую задачу психологического анализа Лев Выготский видел в том, чтобы показать, как из форм коллективной жизни возникает индивидуальная реакция.²¹ В отличие от Пиаже, он полагал, что суть развития заключена не в социализации человека, а в превращении общественных отношений в психические функции и обратно. Для Выготского ключевой вопрос заключался не в том, как тот или иной ребёнок ведёт себя в коллективе, а как коллектив у того или иного ребёнка закладывает развитие высших психических функций. Задачу построения марксистской психологии Лев Выготский видел не в том, чтобы согласовать психологию с марксизмом или перелицевать её под марксистские формулы, а в том, чтобы развивать саму психологию как объективную научную дисциплину. Принято считать, что в рамках советской школы психологии деятельность Выготского являлась скорее отражением драмы той части российской интеллигенции и науки, в которой марксизм воспринимался как наука, философское учение, а не как набор идеологических штампов.²²

²⁰ Выготский Л. *Психология развития человека*. М.: Смысл; Эксмо, 2005. С. 355.

²¹ Выготский, указ. соч, с. 357.

²² Такой точки зрения придерживается Н. Вересов; см.: Вересов Н. Культурно-историческая психология Л.С. Выготского: трудная работа понимания // *Новое литературное обозрение*. 2007. № 85 [Электронный

В книге *Психология развития человека* (раздел «История развития высших психических функций») ²³ Л. Выготский предлагает свою модель опосредования – треугольник опосредования. Суть медиации также изложена в его тезисах *Инструментальный метод в психологии* ²⁴. Ключевой момент концепции Выготского заключается в том, что принцип опосредования (опосредующую функцию выполняет X на рис. 1) прямо направлен против классической, устоявшейся в психологии того времени схемы «стимул–реакция» (неопосредованных отношений и деятельности), которая в треугольнике опосредования представлена прямой между A и B (рис. 1.).

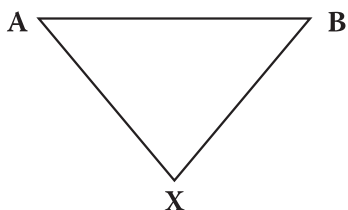

Рис. 1. Треугольник опосредования Льва Выготского

В психоанализе Жака Лакана проблематика медиации (в нужном и важном для нас направлении) тесно связана с пониманием и функцией желания в жизни человека (и прежде всего ребёнка), с диалектичностью желания. Поэтому неслучайно, что именно к проблематике желания мы сейчас и обратимся.

Диалектика желания и требования. Один из ключевых семинаров психоаналитика Жака Лакана, в котором речь идёт о желании, о диалектике желания (и требования), об опосредовании, – это семинар *Образования бессознательного*, а также доклад под названием *Ниспровержение субъекта и диалектика желания в бессознательном у Фрейда*, озвученный Лаканом на состоявшейся в Руомоне 19–23 сентября 1960 года конференции «Диалектика». В рамках указанного семинара Жак Лакан говорил об изначальной зависимости субъекта от желания Другого:

«В ходе истории субъекта в его структуру вписываются, таким образом, те перипетии и превращения, в которых складывается, повинаясь закону желания Другого, его собственное желание» ²⁵.

Желание есть «субпродукт» акта означивания, утверждает психоаналитик. Главное, что, по его мнению, бросается в глаза в яв-

ресурс] Точка доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/85/> В этой же статье можно более подробно ознакомиться с темой «Выготский и марксизм».

²³ Выготский, указ. соч., с. 319.

²⁴ Выготский Л. *Инструментальный метод в психологии (тезисы)* // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.hiperinfo.ru/publ/gumanitarnye_nauki/1_s_vygotskij_instrumentalnyj_metod_v_psihologii/4-1-0-4726

²⁵ Лакан, указ. соч., с. 315–316.

лении человеческого желания, – это постоянная подтасовка, а то и полная перелицовка его означаемым. На примере первоначальной *диалектики желания* лакановский психоанализ подчёркивает специфическое положение субъекта по отношению к означаемому и наличие первоначального *завора*, который отделяет субъекта от его желания: «...желание моё всегда отмечено искажением, которое оно претерпевает, вступая в ранг означаемого»²⁶. Таким образом, любое возможное удовлетворение человеческого желания, согласно Лакану, зависит от согласованности означаемой системы (от конфигурации, формы этой системы и системы отношений) в том виде, в каком она артикулируется в речи субъекта, и системы означаемого в том виде, в каком она располагается в коде, т. е. на уровне Другого (в Символическом) как местопребывании кода. Лишь при виде связной цепи, действующей на уровне Другого, у субъекта складывается, как свидетельствует аналитический опыт, своё собственное желание. Символический порядок, дискурс – это не ширма, за которой скрывается желание, а сама материя этого желания. Как говорит Лакан,

«субъект вручает этому порядку свою конкретную и реальную жизнь. Жизнь эта включает отныне и желания в воображаемом смысле, желания в смысле пленённости, замороженности субъекта образами, по отношению к которым он чувствует себя собственным Я, центром, господином, или, наоборот, объектом господства»²⁷.

Отчуждённое желание: что другой от меня хочет? Анализируя функционирование желания, параллельно Жак Лакан конструирует и понимание коммуникации (в психоанализе) посредством цепочки таких понятий, как потребность, требование, Другой, желание. Желание, согласно психоанализу, должно стать требованием, желанием обозначенным и, в конце концов, желанием отчуждённым. Требовать – *demandere* (лат.), – по мысли Лакана, значит доверяться. А это значит, что субъект доверяет Другому все свои нужды. Вопрос о том, чего субъект хочет, обязательно должен быть психоаналитически трансформирован в вопрос: «Что другой хочет от меня?» На стороне *другого* со значением речи человека происходит нечто, отличающее в конце концов человека как субъекта речи (как субъекта вообще) от самого себя. **Измерение желания** – это разделяющее измерение, измерение *искажения* и *расслоения* как таковое – «между мной и мною сказанным, сделанным», как полагает Жак Лакан:

«Желание не может обойтись без уловок речи, а речь эта, ясное дело, получает свой статус, утверждается и разворачивается лишь в Другом как её месте. Понятно, что субъект совсем не обязательно должен это заметить – скорее наоборот. Я хочу сказать, что различие

²⁶ Лакан, указ. соч., с. 318.

²⁷ Там же, с. 317.

между Другим и им самим – это различие, которое субъекту с самого начала провести труднее всего»²⁸.

Таким образом, для человека, согласно психоаналитическому подходу, характерно незнание (неведение) в желании, то есть можно говорить о непрозрачности как субстанции желания. То есть ни одно желание, или даже скорее потребность, не может быть принято и признано Другим (медиа, в рамках данной статьи), не став жертвой различных фокусов. Эти фокусы особым образом преломляют потребность и превращают её в нечто иное, нежели она есть, в предмет обмена. Другой признаёт, санкционирует желание субъекта, изменяя его и тем самым присваивая себе. Во многом незнание созвучно развиваемой некоторыми медиатеоретиками идее прозрачности медиа.

Как же связана тема желания в психоанализе с темой опосредования? В работах Фрейда ключевой «треугольник» опосредования – это «ребёнок – мать – отец» и связанный с ним «комплекс Эдипа». На страницах семинара *Образования бессознательного* Ж. Лакана мы обнаруживаем этот же треугольник, но уже в визуальном воплощении и в несколько ином понимании, которое связано, прежде всего, с раздвоением фрейдовского треугольника на треугольник воображаемый (moi–Ф–i) и треугольник символический (E–M–P) (рис. 2).

Рис. 2. Треугольник воображаемый и треугольник символический²⁹

Изначально ребёнок развивается через взаимодействие с заботящимся и желанным объектом. Желание желания Другого, согласно Лакану, – это *желание быть желанным* (желанным ребёнком), признанным. В основу первоначальной диалектики желания и требования (а также диалектики межсубъектных отношений) Жак Лакан кладёт символическую триаду, которая в качестве конфигурации отношений сплетена в один узел – «ребёнок, мать, отец» (плюс чуть позже добавляется ещё один полюс, ключевой для воображаемой стадии – полюс фаллоса), – и с помощью

²⁸ Лакан, указ. соч., с. 413.

²⁹ Там же, с. 298.

треугольной схемы (рис. 3) демонстрирует, как выстраиваются эти отношения на первоначальных этапах жизни ребёнка, а чуть позже – в неврозе, перверсии и психозе.

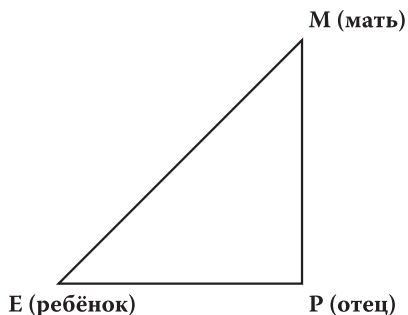

Рис. 3. Базовый треугольник опосредования

По мнению Лакана, как только порядок означающего устанавливается, субъект волей-неволей оказывается вынужден найти себе место по отношению к этим полюсам. Опосредование (то же, что и *X* у Выготского) в этих отношениях задано той позицией, которую в символическом порядке и в качестве символической фигуры занимает, прежде всего, отец (или, точнее – *Имя отца*). Мать в данных отношениях оказывается либо лишена фаллоса, и лишена именно отцом, либо не лишена. Значение отцовского полюса заключается в том, что именно он является тем, что всё это позволяет или запрещает, что и является узловым пунктом комплекса Эдипа и сути кастрации.

Жак Лакан предъявляет нам лингвистическую версию Эдипова комплекса, в соответствии с которой Эдипово соперничество описывается не в терминологии биологического индивида-соперника в борьбе за материнское внимание, но скорее в терминологии, вводимой вместе с *Именем отца*, – отцовский авторитет рассматривается теперь как языковая функция. Лакан скорее метафорически трактует прохождение индивидом Эдипова, т. е. кастрационного, комплекса в качестве способа вступления в порядок Символического. Для него запрет на прямое обладание касается не исключительно реальной матери и исходит не от реального отца, но распространяется на весь класс воображаемых других, образов, а инстанцией этого запрета становится «*Имя отца*» или всё то, что в культуре встаёт между субъектом и объектами желания (писанные и неписанные законы, нормы, правила, обычаи и т. д.).

Ключевой вопрос, который на этой стадии встаёт перед ребёнком (а позднее – человеком, субъектом) в воображаемом плане, – это вопрос: *быть или не быть фаллосом?* Именно поэтому во фрейдовской экономии фаллосу и принадлежит центральное место среди прочих возможных объектов. Функция фаллоса – это фундаментальная функция, с которой субъект в своём воображении себя отождествляет. Хотя очень часто современный психоанализ,

согласно утверждению Лакана, сводит его всего лишь к понятию частичного объекта (и это в лучшем случае). Любое желание субъекта, по Лакану, так или иначе соотносено с фаллосом. Фаллос – это и есть означающее нехватки, означающее зазора, дистанции между требованием субъекта и его желанием.

Желание как форма. Согласно Ж. Лакану, желание основывается на объекте-причине. Это не только первичный инцестуозный объект нехватки (мать и её желание), к которому желание всегда оказывается «пристёгнутым» и недостаточность которого замещается другими объектами, но это чисто формальный объект, который заставляет нас желать объекты, с которыми мы встречаемся в реальности. Таким образом, эта объективная причина желания не трансцендентна, это не недостижимый избыток, всегда ускользающий от наших стремлений, но нечто за спиной субъекта, что-то, из чего исходит само желание.

В целом, появление фрейдистского психоанализа можно рассматривать в качестве симптома, в качестве свидетельства того, что желание стало проблемой, в качестве свидетельства неочевидности желания. Лакановская интерпретация происхождения психоанализа – это противостояние истерии, которую он описывает как «желание желать», состояние, в котором желание и процесс бесконечного поиска удостоверяющего Другого (другого) сами становятся проблемой и более не являются естественными.

В своих работах Славой Жижек подвергает лакановскую идею желания историзации посредством вписывания желаний субъекта в конкретное социально-культурное пространство. Он полагает, что современная капиталистическая система относится к людям как к потребителям, субъектам желания, требуя от них всё более и более извращённых и чрезмерных желаний. Кроме того, он совершает концептуальный переход *от лакановской диалектики желания-требования к параллаксу желания-влечения*. В книге *Устройство разрыва. Параллаксное видение* Жижек говорит о параллактической природе разрыва между желанием и влечением и описывает этот разрыв следующим образом:

«Представим человека, который пытается выполнить простую физическую задачу – скажем, схватить объект, который постоянно ускользает от него: в тот момент, когда он меняет своё отношение и начинает находить удовольствие в простом безуспешном повторении задачи, пытаясь ухватить объект, который вновь и вновь ускользает от него, он переходит от желания к влечению»³⁰.

Желание, согласно психоанализу Лакана и далее в версии Славоя Жижека, также тесно связано с экономикой удовольствия и прибавочного (избыточного) наслаждения. Знаменитый лакановский объект *a* (*objet a*), объект-причина желания, а не просто объект желания, вводит важное различие в экономику удоволь-

³⁰ Жижек, указ. соч., с. 15.

ствия. Если объектом желания может выступать обычный материальный объект, тело другого и т. д., то объект-причина желания – это момент незнания этого объекта, то, что в вещи, продукте, товаре больше, чем сам продукт, вещь, товар. В случае с *objet a* как объектом-причиной желания мы имеем объект, который изначально утрачен, который совпадает со своей собственной утратой, появляется как утрата, тогда как в случае с *objet a* как объектом влечения объектом служит сама утрата. По мнению Жижек, при переходе от желания к влечению мы переходим от утраченного объекта к утрате как объекту, влечение стремится к осуществлению самой «утраты» – разрыва, разреза, дистанции. Влечение – это не бесконечная жажда вещи, фиксированная на частичном объекте, влечение – это сама фиксация. Кроме того, как уже говорилось выше, незнание объекта-причины желания (и объекта-причины влечения также) оборачивается и моментом незнания субъектом своего желания, влечения, моментом незнания себя.

Психоанализ Жака Лакана, а также психомарксизм Славоя Жижека позволяют понять логику функционирования желания, влечения субъекта, понять то, каким образом индивидуальное желание и влечение опосредованы социально-культурным контекстом. Именно в режиме желания, согласно психоаналитической методологии, субъект дан сам себе опосредованно (субъект желает опосредованно), и именно посредством желаний, влечений субъекта – в их индивидуализированной, артикулированной, видимой форме (в рамках данного исследования, в медийной форме) – мы можем схватить и понять в целом социальные эффекты медиации.

Лакан, предлагая свою психоаналитически-антропологическую концепцию субъекта, исходит из убеждения, что человеческая субъективность изначально расколота и носит в себе зияние, рану, внутреннюю дистанцию, которая никогда не может быть преодолена. Жижек дальше развивает его мысль, полагая, что если вычесть всё разнообразие различных модусов субъективации, абстрагироваться от всей полноты опыта «проживания» индивидами своей субъективной позиции, то в остатке окажется «пустое место», прежде занятое этим богатством содержания. Поэтому Славой Жижек так же настаивает на том, что человеческая субъективность определяется скорее *разрывом*, который разделяет её надвое, т. е. на том, что фантазия в самом элементарном виде становится недоступной субъекту, и именно эта недоступность делает субъекта «пустым».³¹ Эта исходная пустота, эта нехватка символической структуры и есть субъект, субъект означающего. Символическая репрезентация всегда (де)формирует, она является сбоем, неудачей:

«Субъект не в состоянии найти то означающее, которое было бы “его собственным”, он говорит всегда либо слишком мало, либо

³¹ Жижек, указ. соч., с. 149.

слишком много – короче, *нечто иное*, чем он желал или намеревался сказать»³².

Понятие «децентрация», которое используют и Лакан, и Жижек, означает двойственность, колебание символической и воображаемой идентификации, шаткость в определении того, что есть мое «реальное» *я*, а что – моя внешняя маска. Субъект здесь выступает в качестве абсолютной негативности. Но негативность как таковая обладает позитивной сущностью. По мнению Джеймисона, на высоком уровне генерализации подобный подход мог бы легко привести к социальному пессимизму и консерватизму, к чему-то вроде идеи первородного греха и неисправимости «перманентной человеческой природы». Однако Жижек, анализируя идеологию и капиталистическое общество, специфику существования человека в таком обществе, избегает этого, ему удаётся предупредить и исключить столь катастрофическое непонимание социальных, культурных и политических импликаций, содержащихся в лакановском «зиянии».³³ Сам Джеймисон, например, историзируя, рассматривает децентрированного субъекта (шизофреника) и его культурные, а также повседневные практики в качестве связующего звена между поздним капитализмом и постмодернистской эстетикой.

Сходную позицию в отношении субъекта, по мнению Жижека, занимает Альтюссер, в отличие от Хабермаса и Фуко, которые понимали субъекта достаточно классически (субъект – это самоконтроль, гармонизация антагонизмов, в версии, напр., Фуко). В работе *Идеология и идеологические государственные аппараты* Альтюссер совершает (как и лакановский структурный психоанализ) решительный структуралистско-марксистский прорыв: человеческое состояние как таковое характеризует трещина, разлом, неузнавание. А человек, субъект – это эффект идеологического неузнавания.

Психоанализ и постмарксизм: от опосредования и диалектики желания к медиативному коду, антагонизму и параллаксу

Вопрос применимости неомарксизма и постмарксизма к анализу медиа связан с таким понятием, как медиация, которое пришло на смену марксистскому понятию детерминация. В неомарксизме массмедиа (СМИ) не рассматриваются по аналогии со средствами производства и располагаются скорее в надстройке, чем в базе. В то время как согласно классическому марксизму и раннему нео-

³² Жижек С. *Возвышенный объект идеологии*. М.: Худож. журн., 1999. С. 177.

³³ См.: Джеймисон Ф. *Славой Жижек. Параллаксное видение (The Parallax View)* // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.politizdat.ru/outgoung/45/>

марксизму (А. Грамши, напр.) медиа всё же относятся к средствам производства.³⁴

Реймонд Уильямс, представитель британской школы культурных исследований, также считает важным уйти от старой теории «отражения» и имитации, или воспроизводства реальности базиса в надстройке с большей или меньшей степенью непосредственности. Уильямс попытался переосмыслить отношения между базисом и надстройкой посредством понятия «медиация», которое, по его мнению, является принципиально отличным от отражения и воспроизводства. Для неомарксиста Уильямса медиация означает позицию социального субъекта по отношению к ко-детерминирующим аспектам общественной формации или множество давлений и ограничений, которые постоянно меняются, находятся в процессе изменений посредством социальной действующей силы. Общество, согласно Уильямсу, – это не только то, что ограничивает социальное и личное развитие, но всегда конститутивный процесс с очень мощным давлением, что выражается в политических, экономических и культурных образованиях. А чтобы выдержать полный вес «конститутивности», они усваиваются и становятся как «индивидуальные воли». Детерминация этого целого вида сложных и взаимосвязанных процессов ограничения и давления в целом действует в самом социальном процессе, и нигде больше – ни в абстрагированном «способе производства», ни в абстрагированной «психологии».³⁵ Современные медиатеоретики³⁶ используют понятие *медиации*, чтобы проанализировать, как новые медиа эффегируют социальные отношения и стиль жизни посредством способности коммуницировать образами, звуками и другими формами информации по всему миру и с невероятной скоростью.

Постмарксист Фредрик Джеймисон в книге *Политическое бессознательное* предлагает свое видение и трактовку понятия опосредования/медиации. Прежде всего, он обращается к традиционному пониманию опосредования в диалектической философии и марксизме, которое позволяет вырваться из узкоспециализированных отделов (буржуазных) дисциплин и установить связь между, казалось бы, разрозненными явлениями общественной жизни. Медиацию Джеймисон рассматривает в качестве интерпретационного аналитического инструмента, операции транскодирования (перекодирования): как изобретение набора понятий, стратегический выбор конкретного кода или языка, когда одна и та же терминология может быть использована для анализа или артику-

³⁴ Chandler D. *Marxist Media Theory* // [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://www.cym.ie/documents/chandler.pdf>.

³⁵ Williams R. From reflection to mediation // R. Williams (ed.) *Marxism and literature*. U.K.: Oxford University Press, 1977. P. 95–100.

³⁶ См., напр.: Wayne M. *Marxism and Media Studies: Key Concepts and Contemporary Trends*. London: Pluto, 2003; Artz L., Macek S., Dana L. *Cloud Marxism and Communication Studies: The Point Is to Change It*. Peter Lang, New York, 2006.

ляции двух совершенно различных типов объектов или «текстов» или двух различных уровней реальности.³⁷

На развитие теории медиации Джеймисона оказала влияние концепция французского философа, неомарксиста, структуралистского марксиста Л. Альтюссера, а именно – его концепция *структурной причинности* (в отличие от экспрессивной причинности), связанная с представлением об отсутствии причины у Спинозы. Альтюссер стремился придать своему толкованию структуры диалектический характер, отстаивая неразрывность связи целого и его частей, когда первое немисливо без второго и не может быть сведено к какой-либо внешней по отношению к частям причине, схеме. Структура у Альтюссера выступает отсутствующей причиной, поскольку проявляется только в результатах своего воздействия, в своих элементах и лишена статуса автономной независимой сущности. Напротив, экспрессивная причинность предполагает, что любое целое сводимо к своей внутренней сущности, в которой элементы целого являются всего лишь феноменальными формами выражения этого внутреннего принципа сущности, наличного в каждой точке целого. Для Альтюссера и Джеймисона подобное понимание причинности является отражением прямой культурной детерминации, выведением различных культурных феноменов из одной «монолитной» причины.

Вместо «вульгарной марксистской теории уровней», основывающейся на соотношении базиса и надстройки, где главной определяющей инстанцией является экономика, Ф. Джеймисон, опираясь на теорию Альтюссера, предлагает схему отсутствующей причины, в которой способ производства отождествляется со структурой в целом или со структурой во всей её совокупности. «Структурная причина» является отсутствующей в том смысле, что она оказывается имманентной своим следствиям. Феномены культуры должны интерпретироваться не в свете детерминированности каким-либо культурным уровнем или областью, но как эффекты системы взаимоотношений между всеми культурными стратами (экономической, политической, эстетической, медийной и т. д.). Медиаторы являются, в таком случае, девайсом (инструментом) аналитика, в результате чего фрагментация и автономизация, расчленённость и специализация различных областей социальной жизни (отделение идеологического от политического, религиозного от экономического, разрыв между повседневной жизнью и практикой научных дисциплин, а также между реальным и виртуальным, индивидуальным и социальным) оказываются локально преодолены, по крайней мере в анализе.

В качестве интерпретативного инструмента Джеймисон предлагает использовать *медиативные коды*.

³⁷ Jameson F. *The Political Unconscious. Narrative as a Socially Symbolic Act*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1981. P. 40.

«Медиативный код» – это, прежде всего, система гомологий между различными феноменами, «текстами» культуры, и что особенно важно, включающая в себя моменты деформации, компенсации, вытеснения при их взаимопереводе».³⁸

Центральная проблема постмарксистской критической теории интерпретации, следовательно, как полагает А. Горных, заключается в том, чтобы выработать способы раскрытия текста вовне, в историю, менее «брутальным» в отличие от детерминизма путём.³⁹ Джеймисон показывает, что в сфере эстетики происходит не только «повторение», но и вытеснение, смещение, замещение историчного медиативного кода. Важно также, что медиативный код не указывает на жёсткую причинно-следственную связь двух структур, а пронизывает всю социальность. В своих текстах Фредрик Джеймисон также уделяет большое внимание диалектическому подходу. Он считает диалектическим такой подход к продуктам символического производства (произведениям искусства, теоретическим системам и др.), при котором, с одной стороны, в качестве основополагающего выдвигается тезис о том, что базовым содержанием текста является та историческая ситуация, в которой он стал возможен, а с другой стороны, эксплицируется тот способ, каким сама форма произведения искусства или философского текста оказывается существенно содержательной, предшествующей и конститутивной по отношению к своему непосредственному социальному контексту.

По мнению Жижек и Джеймисона, когда речь идёт о психоанализе Зигмунда Фрейда, а тем более Жака Лакана, это значит, что речь идёт также о мысли диалектической. По выражению Джеймисона, Лакан представляется ему необычайно важным и интересным диалектическим философом⁴⁰, и это не столько вопрос лакановского гегельянства, но, скорее, новое направление развития диалектической мысли⁴¹.

В книге *Возвышенный объект идеологии* Славой Жижек, обозначая «возврат к Гегелю»⁴² как одну из целей своей работы, предлагает возродить гегелевскую диалектику, перечитывая Гегеля через призму лакановского психоанализа. В итоге такое прочтение приводит словенского философа не только к новому пониманию идеологии, но и к важной функции антагонизма как в структуре

³⁸ Горных А.А. Монтаж как историческая форма // Е.Р. Ярская-Смирнова, П.В. Романов, В.Л. Круткин (ред.) *Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность*. Саратов: «Научная книга», 2007.

³⁹ Горных А. Текст и история // Горных А. *Critical Theory: from Visible Text to Invisible History* [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://viscult.ehu.lt/article.php?id=172%3E>.

⁴⁰ См.: Jameson F. Lacan and the Dialectic: A Fragment // S. Zizek (ed.) *Lacan: The Silent Partners*. Verso, 2006; а также: Джеймисон Ф. Психоанализ и политика (интервью) // *Лаканалия (Диалектика)*. 2009. № 1. С. 49.

⁴¹ Jameson, *Lacan and the Dialectic*, op. cit., p. 368.

⁴² Жижек, *Возвышенный объект идеологии*, указ. соч., с. 15.

субъекта, так и социума. Как подчёркивает Александр Кожев, «тот, кто говорит Опосредование, говорит и Диалектика, поскольку всё опосредованное является диалектическим, а всё диалектическое – опосредовано»⁴³. Диалектика Гегеля, согласно С. Жижеку, – это прослеживание краха любых попыток покончить с антагонизмом, а «абсолютное знание» означает такую субъективную позицию, которая полностью принимает противоречие как внутреннее условие любой идентичности:

«В данном смысле Гегель действительно оказывается первым “постмарксистом”: именно им было открыто поле определённого рода разрывов, “залатанных” впоследствии марксизмом»⁴⁴.

Славой Жижек рассматривает антагонизм прежде всего в качестве незамкнутости, дыры в поле символического Другого, когда противоречие, на первый взгляд кажущееся неразрешимой проблемой, само по себе оказывается и решением. Антагонизм определяет объект как таковой:

«...антагонизм между обществом как единым целым, большим, чем просто сумма его членов, и обществом как внешней “механической” связью атомизированных индивидов, – это основной антагонизм современного общества; в определённом смысле, это и есть дефиниция современного общества»⁴⁵.

Славой Жижек полагает, что гегелевская «вещь в себе» уже является искажённой, расколотой, отмеченной радикальной нехваткой, структурированной вокруг антагонистического ядра. Он демонстрирует это на примере понимания общества, опираясь на понятие антагонистического характера общества Адорно:

«Субъект не в состоянии постигнуть общество как единое целое, однако само это бессилие непосредственно обладает, так сказать, онтологическим статусом: оно свидетельствует о том, что общество не существует, что оно помечено радикальной невозможностью»⁴⁶.

По мнению Жижека, следует не только отказаться от попыток преодолеть этот сущностный антагонизм, но и признать, что именно стремление его искоренить может приводить к соблазну тоталитаризма. В этой связи важным достоинством работы Лаклау и Муффа *Гегемония и социалистическая стратегия*, согласно Жижеку, является разработка теории социальности и демократии, основанной именно на таком понимании антагонизма – на признании исходности «травмы», недостижимой сущности, оказывающей сопротивление символизации, тотализации. Например, когда мы

⁴³ Кожев А. *Гегель, Маркс и христианство* // [Электронный ресурс] Точка доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=212&Itemid=52.

⁴⁴ Там же, с. 14.

⁴⁵ Жижек, *Возвышенный объект идеологии*, указ. соч., с. 180.

⁴⁶ Там же, с. 180.

можем сохранить демократию, только принимая в расчёт её радикальную недостижимость.

Таким образом, постмарксизм (Жижек, Джеймисон, Лаклау) не разделяет традиционного марксистского понимания социального антагонизма, когда существует какой-то фундаментальный антагонизм (классовый, напр.), онтологически опосредующий все прочие. Диалектика, в понимании Джеймисона, – это также метод, позволяющий обратить внимание на неизбежную противоречивость значений того или иного события, действия, акта высказывания, действующих в этих процессах. Сюзан Бак-Морс в одном из интервью также полагает, что субъекта и объекта, социальный анализ и анализ субъекта нужно поддерживать в диалектическом напряжении.⁴⁷

Ещё одно важное в рамках данного исследования, дополняющее и развивающее понятие диалектики – это понятие «параллакса», «параллаксного видения» и «параллаксного разрыва». Концепцию параллакса предложил Славой Жижек в книге *Устройство разрыва. Параллаксное видение*. Словенский философ подчёркивает бесспорную связь параллаксного видения как методологии с диалектикой, с гегелевской диалектикой опосредования и кантовскими антиномиями. Славой Жижек также подчёркивает критический потенциал параллаксного взгляда, который позволяет отказаться от попыток сведения одного аспекта к другому, т. е. от так называемого диалектического синтеза противоположностей. Скорее, речь идёт о столкновении с реальностью, которая раскрывается через *различие, напряжение, напряжённость (tension)*, то есть через параллакс.

Параллакс в интерпретации Славоя Жижека – и здесь он опирается на *Транскритику*⁴⁸ Кодзина Каратани, который развивает понятие антиномии у Канта, – это также видимое глазу смещение объекта, т. е. изменение его положения по отношению к фону, вызванное изменением в положении наблюдателя, что обеспечивает новое направление взгляда. Наблюдаемое различие не является просто субъективным, скорее субъект и объект внутренне *опосредованы*, так что эпистемологическое изменение точки зрения субъекта всегда отражает онтологическое изменение в самом объекте.

Медиа как форма социального опосредования индивидуальных желаний

Предположим, что психоаналитически-постмарксистское понимание опосредования может быть вполне эффективным инструментом для понимания медиа как формы социального опосредо-

⁴⁷ Сюзан Бак-Морс (Интервью) // *Лаканалия (Диалектика)*. 2009. № 1. С. 50.

⁴⁸ Karatani K. *Transcritique: On Kant and Marx*. MIT, 2003. Согласно точке зрения Каратани, кантовская критика всегда является «транскритикой», переходом с одной точки зрения на другую, не предполагающим никакой завершающей фиксации.

вания индивидуальных желаний. Опираясь на психоаналитический подход Жака Лакана, психомарксизм Славоя Жижека и постмарксизм⁴⁹ Фредрика Джеймисона, *медиа* можно рассматривать не просто в качестве способа, канала передачи информации либо коммуникации, но прежде всего в рамках социальной онтологии, т. е. в качестве различных форм и способов социальной медиации индивидуальных желаний, в качестве канала и кода доступа к социальному и одновременно в качестве воплощения нехватки этого социального.

На наш взгляд, именно психоанализ Жака Лакана и психомарксистский синтез позволяют актуализировать такую постановку вопроса в отношении проблематики медиа и медиации, а именно: как новые медиа, новые технологии, интернет влияют на мечты, желания и фантазии пользователей? Психологически-марксистский подход Выготского, психоаналитический дискурс Жака Лакана предоставляют возможность осознать, учитывать и актуализировать понимание процессов медиации, в т. ч. медиации желаний субъекта, а соответственно, роль и значение различных медиа и медиативных форм в процессе идентификации субъекта. По мнению Лакана, психоанализ осуществляет истеризацию дискурсов, открывает разрыв, то, что «в субъекте есть нечто, помимо самого субъекта», *объект в субъекте*, противящийся интерпелляции, который открывает подчинённость субъекта, его включённость в символическую (и в частности медиативную) структуру. Ведь задача аналитика в том и состоит, чтобы постепенно лишить субъекта уверенности в себе, в своём знании и позволить ему осознать процесс опосредования, медиации.

В рамках психоаналитического рассмотрения проблематики желания в анализе медиа, а также медиа как формы социальной медиации (опосредования) индивидуальных желаний актуально использовать психоаналитическую постановку вопроса, точнее, переход от вопроса «что субъект хочет?» к вопросу «что Другой от меня хочет?».

Никлас Луман в своей работе *Реальность массмедиа* утверждает следующее: всё, что мы знаем об обществе, мире, в котором мы живём, мы знаем посредством массмедиа. Психоанализ позволяет добавить к этому утверждению ещё один момент – всё, что мы знаем не только об обществе, но и о себе самих и о собственных желаниях, мы также знаем посредством медиа.

В теории медиа Маршалл Маклюэн – один из тех, кто серьёзно рассматривает онтологический статус медиатехнологий как того, что меняет существование человека в мире. Для Маклюэна медиум создаёт не только сообщение, но также комплекс взаимодействий между фигурой и фоном. Именно современные версии психомарксистского методологического синтеза позволяют наилучшим

⁴⁹ Ф. Джеймисон исследует современную культуру и её преимущественно визуальную специфику при помощи постмарксистской критики социальных оснований и эффектов этой визуальности.

образом эксплицировать те напряжённости и разрывы между общим и частным (фигурой и фоном), которые возникают в результате онтологических (медиа)изменений.

Если марксизм (и неомарксизм) зачастую рассматривал медиа в качестве дополнительного инструмента манипуляции массами, то психоанализ и постмарксизм позволяют подойти к данному вопросу несколько с иной стороны. Опираясь на психоанализ и постмарксизм (С. Жижек), можно говорить о взаимосвязи различных аспектов фундаментального соотношения между индивидуальным и социальным, проходящих сквозь индивида и общество (т. е. между структурной позицией индивида в символическом пространстве и самим «реальным» индивидом), о трёх тесно взаимосвязанных базовых разрывах: 1) внутри субъекта; 2) между субъектом и социальной реальностью; 3) внутри самой социальной (медийной) реальности. Следуя этой логике, субъект и медиа должны пониматься не как две разные стороны, подобно индивиду и обществу, и даже не как диалектическое единство, но скорее как единство со множеством расщеплений, противоречий, конфликтов. А напряжённость и несоизмеримость различных членов оппозиций, как пишет Джеймисон в рецензии на книгу Жижека *Устройство разрыва. Параллаксное видение*, «совершенно необходимы для продуктивного мышления (которое само является образцом такого разрыва), и мы обязаны прибегнуть к нему, если не готовы удовлетвориться самодовольным агностицизмом или аристотелевской “мерой” и “золотой серединой”, в которых “истина находится где-то между”; иными словами, продуктивное мышление возможно лишь в том случае, если мы готовы окунуться в напряжение и несоизмеримость, а не ограничиваемся скрывающими их паллиативами»⁵⁰.

Такой подход во многом схож с интерпретативным подходом Джеймисона, который (подход) опирается, как отмечалось выше, на идею структурной причинности Альтюссера и воплощается в идее *медиативного кода*. Именно такой подход позволяет соотносить психику человека, субъекта, его желания с онтологией сегодняшней медиажизни.

В рамках данной работы рассмотрение проблематики медиации не сводится к простой констатации факта, что сегодня медиа опосредуют все сферы нашей жизни: общество, политику, экономику, семью и т. д. Психоаналитически-постмарксистский синтез и акцент на медиации позволяют открыть новое важное теоретическое направление в осмыслении медиа, *новых медиа*, разработать современную и актуальную философию медиа. Основной вопрос такой философии заключается в том, какова матрица опосредования, определяющая социальную логику медиа. А новые медиа и интерактивные среды (Web.2.0), которые формируют всё более

⁵⁰ Джеймисон, Славой Жижек. *Параллаксное видение*, указ. ресурс.

виртуальный мир, помогают нам понять совершенно новый путь медиации и опосредования наших желаний.

Таким образом, в данной статье рассмотрены и проанализированы основные возможные направления понимания медиа как формы опосредования между социальным и индивидуальным, начиная с психологии Льва Выготского, психоанализа Жака Лакана и заканчивая психоаналитически-постмарксистским синтезом Славоя Жижека и Фредрика Джеймисона. Основная задача статьи состояла в том, чтобы определить, какие дополнительные смыслы могут привнести психоаналитический и постмарксистский подходы к опосредованию в понимание медиа, медийных форм.